

37

ЦѢНА 10 КОП. ВЪ ПРОВИНЦІИ 12 КОП.

САТИРИКОНЪ

1910 еженедѣльное изданіе

№ 30

III ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ:

На годъ—6 руб.; на полгода—3 руб.; на 3 мѣсяца—1 руб. 50 коп.

Контора и Редація журнала „САТИРИКОНЪ“: Спб., Фонтанка. № 80. Телеф. 524-62.

24 ЮЛЯ 1910 г.

Новосиб. обл.
научная
библиотека

ГРИМАСЫ ГОРОДА.

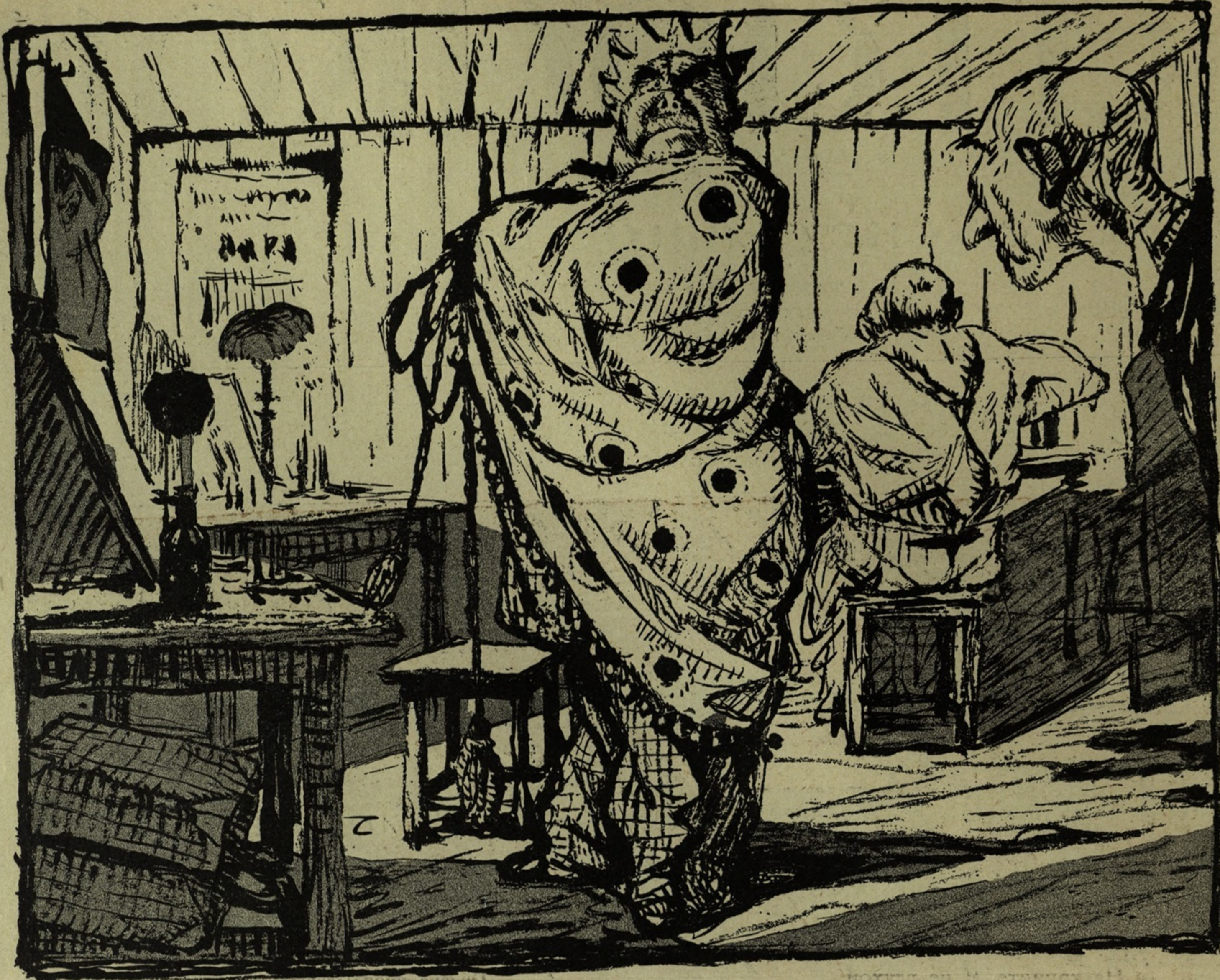
Рис. Ре-Ми.



БЫЛИ КОГДА-ТО И ВЫ РЫСАКАМИ...

Она:—Этотъ рыжій слишкомъ много позволяетъ себѣ. Придется отказать ему отъ дому!

Новосиб. обл.
научная
библиотека



ДИНАСТИЧЕСКІЙ ПЕРЕВОРОТЪ.

Король:—Эй, режиссеръ! Скажите хозяину,—если онъ сію минуту не пришлетъ мнѣ двухъ рублей—я сейчасъ же снимаю корону и порфиру...

ВИКТОРЪ ПОЛИКАРПОВИЧЪ.

Въ одинъ городъ пріѣхала ревизія... Главный ревизоръ былъ суровый прямолинейный, справедливый человекъ, съ громкимъ, властнымъ голосомъ и рѣшительными поступками, приводившими въ трепетъ всѣхъ окружающихъ.

Главный ревизоръ началъ ревизию такъ: подошелъ къ столу, заваленному документами и книгами, нагнулся каменнымъ, безстрастнымъ, какъ сама судьба, лицомъ къ какой-то бумажкѣ, лежавшей сверху, и лягнулъ отрывистымъ, какъ стукъ гильотиннаго ножа, голосомъ:

— Приступимъ-съ.

Содержаніе первой бумажки заключалась въ томъ, что обыватели города жаловались на городского Дымбу, взыскавшаго съ нихъ незаконно и неправильно триста рублей „портового сбора на предметъ морского улучшения“.

— Во-первыхъ,—заявляли обыватели,—никакого моря у насъ нѣтъ... Ближайшее море за шестьсотъ верстъ черезъ двѣ губерніи, и никакого намъ улучшения не нужно; во-вторыхъ, никакой бумаги на это взысканіе упомянутой Дымба не предъявилъ, а когда у него потребовали документы—показалъ кулакъ, что, какъ извѣстно по городскому положенію, не можетъ служить документомъ на право взысканія городскихъ повинностей; и, въ-третьихъ, вмѣсто расписки въ полученіи означенной суммы, онъ, Дымба, оставилъ окурочъ папиросы, который при семъ прилагается.

Главный ревизоръ потеръ руки и сладострастно засмѣялся. Говорятъ, при каждомъ человекѣ состоитъ

ангелъ, который его охраняетъ. Когда ревизоръ такъ засмѣялся, ангелъ городского Дымбы заплакалъ.

— Позвать Дымбу!—распорядился ревизоръ.

Позвали Дымбу.

— Здравія желаю, ваше пр-во!!!

— Ты не кричи, братъ, такъ,—зловѣще остановилъ его ревизоръ.—Кричать послѣ будешь. Взятки бралъ?

— Никакъ нѣтъ.

— А морской сборъ?

— Который морской, то взыскивалъ по приказанію начальства. Сполнялъ ваше-ство, службу. Ихъ высокородіе приказывали.

Ревизоръ потеръ руки профессиональнымъ жестомъ ревизующаго сенатора и залился тихимъ смѣшкомъ.

— Превосходно... Попросите-ка сюда его высокородіе. Никаноровъ, напишите бумагу объ арестѣ городского Дымбы, какъ соучастника.

Городового увели.

Когда его уводили, явился и его высокородіе... Теперь уже заливались слезами два ангела: городского и его высокородія.

— Из...ззволили звать?

— Охъ, изволилъ. Какъ фамилія? Пальцынъ? А скажите, господинъ Пальцынъ, что это такое за триста рублей морского сбора? Ась?

— По распоряженію Павла Захарыча,—пріободрившись, отвѣчалъ Пальцынъ.—Они приказали.

— А-а,—и съ головокружительной быстротой замелькали трущаяся одна объ другую ревизоровы руки.—Прек-расно-съ. Дѣльце-то начинаетъ разгораться.

Узелокъ увеличивается, вспухаетъ... Хе-хе. Никифоровъ! Этому — бумагу объ арестѣ, а Павла Захарыча сюда ко мнѣ... Живо!

Пришелъ и Павелъ Захарычъ.

Ангель его плакалъ такъ жалобно и потрясающе, что могъ тронуть даже хладнокровнаго ревизора ангела.

— Павелъ Захаровичъ? Здравствуйте, здравствуйте... Не объясните-ли вы намъ, Павелъ Захаровичъ, что это такое «портовый сборъ на предметъ морского улучшения»?

— Гм... Это взысканіе-съ.

— Знаю, что взысканіе. Но—какое?

— Это-съ... во исполненіе распоряженія его превосходительства.

— А-а-а... Вотъ какъ? Никифоровъ! Бумагу! Взять! Попросить его пр-во!

Ангель его пр-ва плакалъ солидно, съ такимъ видомъ, что нельзя было со стороны разобрать: плачетъ онъ или снисходительно улыбается.

— Позвольте предложить вамъ стулъ... Садитесь, ваше превосходительство.

— Успѣю. Зачѣмъ это я вамъ понадобился?

— Справочка одна. Не знаете-ли вы, какъ это понимать: взысканіе морского сбора въ здѣшнемъ городѣ?

— Какъ понимать? Очень просто.

— Да вѣдь моря-то тутъ нѣтъ!!

— Неужели?... Гм... А вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, кажется, нѣтъ. Дѣйствительно, нѣтъ.

— Такъ, какъ-же такъ — «морской сборъ»? Почему безъ росписокъ, документовъ?

— А?

— Я спрашиваю—почему «морской сборъ»?!!

— Не кричите. Я не глухой.

Помолчали. Ангель его пр-ва притихъ и смотрѣлъ на все происходящее широко открытыми глазами, выжидательно, и спокойно.

— Ну?

— Что «ну»?

— Какое море вы улучшали на эти триста рублей?

— Никакого моря не улучшали. Это такъ говорится—море.

— Ага. А деньги-то куда дѣлись?

— На секретные расходы пошли.

— На какіе, именно?

— Вотъ чудакъ-человѣкъ! Да какъ же я скажу, если они секретные.

— Такъ-съ...

— Ревизоръ часто-часто потеръ руки одна о другую.

— Такъ-съ. Въ такомъ случаѣ, ваше пр-во, вы меня извините... обязанности службы... я принужденъ буду васъ, какъ это говорится: арестовать. Никифоровъ! Его пр-во обидчиво усмѣхнулся.

— Очень странно: проэктъ морского сбора разрабатывало насъ двое, а арестовываютъ меня одного. Руки ревизора замелькали, какъ двѣ юркихъ бѣлыхъ мыши.

— Ага! Такъ, такъ... Вмѣстѣ разработывали?! Съ кѣмъ?

Его пр-во улыбнулся.

— Съ однимъ человѣчкомъ. Не здѣшній. Питерскій, чиновникъ.

— Да-а? Кто же этотъ человѣчекъ?

Его пр-во помолчалъ и потомъ внятно сказалъ, прищурившись въ потолокъ:

— Викторъ Поликарповичъ.

Была тишина. Семь минутъ.

Нахмуривъ брови, ревизоръ разглядывалъ съ пытливостью и интересомъ свои руки...

И нарушилъ молчаніе:

— Такъ, такъ... А какія были деньги получены: золотомъ или бумажками?

— Бумажками.

— Ну, разъ бумажками—тогда ничего. Извиняюсь за беспокойство, ваще пр-во. Гм... гм...

Ангель его пр-ва усмѣхнулся ласково-ласково.

— Могу идти?

Ревизоръ вздохнулъ. — Что-жъ дѣлать... Можете идти.

Потомъ свернулъ въ трубку жалобу на Дымбу и, приставивъ ее къ глазу, посмотрѣлъ на столъ съ документами.

Подошелъ Никифоровъ.

— Какъ съ арестованными быть?

— Отпустите всѣхъ... Впрочемъ, нѣтъ! Городового Дымбу на семь сутокъ ареста за куреніе при исполненіи служебныхъ обязанностей. Пусть не курить... Кан-наль!

И всѣ ангелы засмѣялись, кромѣ Дымбинаго.

Фальстафъ.

ОБЩЕДОСТУПНОЕ СЧАСТЬЕ.

1.

Неподвижно-лѣнивыя кости
Раскаленные стрѣлы жгутъ.
Хорошо лежать на помостѣ
Наклонивши прическу въ прудъ

Какія-то пестрыя мухи
Танцуютъ въ искристой слюдѣ.
Муравей путешествуетъ въ ухѣ,
Пауки бѣгутъ по водѣ.

Изумительно мелкая рыбка
Удираетъ отъ тѣни своей.
На днѣ жестянка и штричка
И семья разноцвѣтныхъ камней.

Облака проплываютъ подъ носомъ.
Намокаетъ спустившійся чубъ.
Гдѣ-то сзади шумитъ надъ откосомъ
Безконечно далекій дубъ.

Въ головѣ человѣчки изъ стали
Другъ на другѣ несутся верхомъ.
Отрываюсь отъ зыбкой вуали—
И внезапно кричу пѣтухомъ.

2.

Качаются томныя листики
Душа покидаетъ причалъ.
Въ волнахъ немигающей мистики
Смотрю въ свѣтло-синій провалъ.

Такъ сонно звенятъ насѣкомья,
Такъ мягко спинѣ и бокамъ...
Прощайте, друзья и знакомые!
Плыву къ золотымъ облакамъ.

Сквозной холодокъ безтѣлесности
Наполнилъ меня до бровей.
О, гдѣ вы, земныя окрестности
И пыльныя гроздя вѣтвей?

Разлазится облачко ватное.
Пищитъ вѣтерокъ въ волосахъ.
И все холоднѣе необъятное
Смѣется въ пустыхъ небесахъ.

Забылъ я свой адресъ и званіе.
Все выше, все глубже мой путь...
Въ глазахъ голубое дрожаніе
И въ сердцѣ блаженная жуть.

Сама Черный.

Рис. А. Яковлева.



ОТЧЕТЪ ПЕРЕДЪ ИЗБИРАТЕЛЯМИ.

Рис. Н. Р.



ПРОЧНАЯ РАБОТА.

Правый депутатъ.—Милостивые Государи! Вы видите передъ собой карту... Это Россія! Чтобы инородцы не растащили ее по частямъ, мы дѣлательно позаботились объ ея укрѣпленіи...

ИНТЕНДАНТСКОЕ.

— А почему интендантскія ревизіи не сунуть подъ сукно?
— Нельзя. Сукно-то, вѣроятно, тоже интендантское, дырявое....
Вотъ все изъ подъ него, и видно...

СВОЯ ТОЧКА ЗРѢНІЯ.

На лодкѣ.
Она:—Я не могу кататься!
Онъ: Почему?
Она:—Вѣтеръ противный.
Онъ:—Что ты! Вѣтеръ попутный!
Она:—Нѣтъ, противный: растрепалъ мнѣ волосы!

Р.

ВЪ ЕВРОПАХЪ.

(ЗАПИСКИ РУССКАГО ИНТЕЛЛИГЕНТА).

Это были два воротника—высокіе стоячіе двойные № 39; когда-то я заплатилъ за нихъ семь рублей за дюжину. Теперь изъ дюжины уцѣлѣли только эти два, и изъ-за нихъ я завтра долженъ умереть.

Я не могу сказать про нихъ ничего дурного,—это были хорошіе воротники, прочнаго голландскаго полотна. Такъ, по крайней мѣрѣ, увѣрялъ меня приказчикъ. Но здѣсь, въ Берлинѣ, я купилъ себѣ новые воротники, двѣ дюжины, гораздо дешевле. Хорошо помню этотъ день: утромъ я былъ въ Kulturmuseum, потомъ смотрѣлъ земноводныхъ въ Аквариумѣ, потомъ обѣдалъ у Reingold, потомъ ѣлъ мороженное у Josti, потомъ для чего-то купилъ большой букетъ красныхъ розъ, два оленьихъ рога, перочинный ножикъ съ двѣнадцатью клинками и сотню открытыхъ писемъ съ видами города Кобленца. А ужъ потомъ у Wertheim'a я купилъ эти воротники.

Вечеръ я послѣдовательно провелъ въ café Victoria, café Coutochera, café Bauer, въ cabaret: Chat Noir, Unter den Linden, Passage и еще гдѣ-то—названія не помню. На мнѣ былъ одинъ изъ новыхъ, только что купленныхъ воротниковъ. Почтенныя дамы у Riche въ огромныхъ шляпахъ называли меня русскимъ княземъ—russischer Fürst—и просили подарить на память о Россіи 20 марокъ.

Я вернулся къ себѣ въ гостиницу въ 6 часовъ утра. Таксометръ автомобиля показывалъ цифру 5, но шофферъ почему-то поставилъ на 12. Чтобы не вызывать осложненій, я далъ 15. Въ номерѣ на столѣ вмѣстѣ съ оленьими рогами и букетомъ красныхъ розъ лежалъ мой старый воротникъ—тотъ, прежній. Я открылъ форточку и выбросилъ его на улицу. Потомъ раздѣлся и легъ. Но тотчасъ всталъ, отыскалъ второй воротникъ изъ той-же семирублевой дюжины и то же выкинулъ въ окно. Земноводныя въ большихъ шляпкахъ приставали ко мнѣ, сидели на колѣни и просили дать имъ по таксу. Я заснулъ.

Утромъ—хотя это ужъ вовсе не было утро—я вышелъ съ цѣлью осмотрѣть рейхстагъ. Я спѣшилъ въ Парижъ и потому торопился съ осмотромъ берлинскихъ достопримѣчательностей. Швейцаръ, приподнявъ фуражку съ золотымъ галуномъ, подалъ мнѣ небольшой свертокъ.

— Что это?—спросилъ я.

— Ваши воротники, князь,—онъ ужъ тоже называлъ меня княземъ.—Вчера изволили потерять.

Я пробормоталъ что-то и поблагодарилъ швейцара.

— Чистильщикъ улицы принесъ сюда. Ихъ нашла его жена. Онъ просилъ сорокъ пфенниговъ.

— Хорошо. Запишите на мой счетъ.

Воротники были необыкновенно аккуратно упакованы и перевязаны. Я вскочилъ въ мимо проѣзжавшій омнибусъ и черезъ двѣ минуты поспѣшно его покинулъ.

— Господинъ!—кричали мнѣ въ догонку,—вы забыли! Госнодинъ!

Я притворился, что не слышу. Но тутъ поднялась суматоха. Пассажиры заволновались, двое выскочили и побѣжали за мной, одинъ кричалъ на кондуктора, трое—на кучера. Вагонъ остановили. Съ имперіала махали мнѣ зонтиками, соломенными шляпами и платками. На встрѣчномъ омнибусѣ тоже заволновались. Толстый нѣмецъ—очень красный и взволнованный—бѣжалъ ко мнѣ изо всѣхъ силъ и держалъ въ рукахъ мой свертокъ.

Я очень любезно поблагодарилъ. Нѣмецъ далъ мнѣ свою визитную карточку съ адресомъ и пожалъ руку. Я тоже далъ ему свой адресъ. Всѣ кругомъ были довольны и улыбались. Омнибусъ тронулся, движеніе возобновилось.

Я не пошелъ въ рейхстагъ, потому что былъ взволнованъ, а для участія въ парламентской жизни я считаю, что необходимо спокойствіе, спокойствіе и спокойствіе. Точно такъ же, какъ для войны—терпѣніе, терпѣніе и терпѣніе. Черезъ полчаса, проходя по набережной Шпрее я бросилъ свой свертокъ въ воду. Кругомъ никого не было. Я не оглядывался.

До вечера я былъ спокоенъ. Я обѣдалъ безъ заботъ покойно и вкусно, какъ обѣдаетъ за границей русскій интеллигентъ. Прошло уже около четырехъ часовъ, какъ я избавился отъ воротниковъ. Съ трепетомъ подходилъ къ гостиницѣ. Быстро прошмыгнувъ въ подъездъ съ такимъ видомъ будто былъ очень занятъ; но швейцаръ нагналъ меня, извинился и подалъ свертокъ.—Та же бумага, та же бичевка.—Я безпомощно опустился на стулъ. Телефонный мальчикъ принесъ мнѣ воды.

— Это была цѣлая исторія—радостно объяснилъ швейцаръ. Слава Богу, все удалось благополучно.—Воротники, къ сожалѣнію, замѣтили не сразу, а только восемь минутъ спустя, когда они, намочивъ, ужъ начали опускаться на

дно. Рѣчная полиція подняла тревогу. По телефону были вызваны водолазы. Одновременно дали знать тайной полицией—правительственной и двумя частнымъ...

— Знаю: Шерлокъ Холмсъ,—вставилъ я.

Швейцаръ вѣжливо, но изумленно посмотрѣлъ на меня и сдѣлалъ знакъ телефонному мальчишкѣ. Тотъ принесъ еще стаканъ. Потомъ онъ продолжалъ:

— Водолазы черезъ полтора часа нашли свертокъ. Тѣмъ временемъ агенты трехъ тайныхъ полицій установили, кто въ такомъ-то часу (часть былъ выясненъ экспертами) проходилъ по набережной. По телефону былъ сдѣланъ опросъ всѣмъ гостиницамъ Берлина. Выяснили, кто изъ русскихъ...

— Почему русскихъ?—въ изнеможеніи спросилъ я.

— Клеймо на воротникѣ... Русская фирма.

— Я поднялся.

— Хорошо. Сколь...ко вы за меня уплатили?

— Правительственная тайная полиція работаетъ даромъ, князь, но двѣ частныя...

— Всего сколько?

— Шестьсотъ марокъ. Кромѣ того, водолазы просили на чай.

Вечеръ былъ испорченъ... я никуда не пошелъ и бродилъ по городу. Проклятый свертокъ носилъ съ собой. Два раза я его терялъ, каждый разъ кто-нибудь поднималъ его и любезно подавалъ. Я смотрѣлъ по сторонамъ: нѣтъ ли какой либо ямы, отверстія, стараго огорода, недостроеннаго дома. Ничего такого не было. Все было чисто, аккуратно убрано, пригнано, достроено. Я сдѣлалъ около двѣнадцати верстъ пѣшкомъ и обратно вернулся автомобилемъ. Воротники я, конечно, оставилъ подъ сидѣнемъ отлично зная, что утромъ они вернутся. Конечно, это было ребячествомъ—оставить вещь въ автомобилѣ, съ которымъ прѣзжаешь къ себѣ! Но я рассчитывалъ, что хоть ночь проведу безъ нихъ. А утромъ можно будетъ кое-что придумать.

Я плохо рассчиталъ: ночь я провелъ съ воротниками. Потому что, какъ только уснулъ—а спать послѣ двѣнадцати-верстной прогулки хотѣлось безумно—какъ только уснулъ—въ дверь постучались и чья-то рука—я узналъ обшлагъ рукава телефоннаго мальчишки—просунула свертокъ. Меня забила лихорадка. Мнѣ, показалось, что оленье рога приросли къ моему лбу, меня преслѣдуетъ кто-то и водолазы въ большихъ шляпахъ садятся ко мнѣ на колѣни...

О Парижѣ я пересталъ думать. Прежде всего надо было избавиться отъ проклятыхъ воротниковъ. Я мечталъ о пожарѣ, который охватитъ полъ-Берлина и мою гостиницу также... Такимъ образомъ, сгорятъ воротники, а изъ пепла, надѣюсь, они ужъ не возродятся. Или разразится землетрясение—развѣ не можетъ быть землетрясенія въ Берлинѣ? Еще приходило въ голову пойти въ Зоологическій садъ и сунуть мой свертокъ въ пасть гиппопотаму. Но, можетъ быть, гиппопотамы страдаютъ отрыжкой? Это меня удерживало.

Вмѣсто того, я рѣшилъ пойти въ ресторанъ. У меня былъ планъ, дававшій лучшѣ надежды. Ночью я вытравилъ клеймо на воротникахъ, и при запертыхъ дверяхъ и опущенныхъ шторахъ чувствовалъ себя фальшивомонетчикомъ. Но спать спокойно и во снѣ надъ кѣмъ-то посмѣивался.

Рейстагъ меня нѣсколько разочаровалъ. Полукругами стояли сидѣнія съ пюпитрами—ну, совсѣмъ какъ у насъ. Была предсѣдательская кафедра и звонокъ, и графинъ съ водой—совсѣмъ какъ у насъ. Я обратилъ все свое вниманіе на мѣсто правыхъ.

— Эти не выдадутъ,—рѣшилъ я.—Если здѣсь все, какъ у насъ, то ужъ я своихъ воротниковъ не увижу.

И, улучивъ моментъ, я сунулъ свертокъ въ пюпитръ самага крайняго праваго.

Я чувствовалъ себя бодро, но на всякій случай перемѣнилъ гостиницу. Счетъ былъ изрядный—потому что кромѣ номера, свѣчи, полотенца и проч., были такіе необычайные расходы, какъ жена чистильщика улицы, водолазы и частная тайная полиція. Я поселился въ другой части города и назвался вымышленнымъ именемъ. Меня, кажется, приняли за шпіона. Во всякомъ случаѣ шуцманъ на углу отдавалъ мнѣ честь.

По случаю какого-то праздника на утро не было засѣданія рейхстага. Но на другой день начались какія-то горячія пренія о бюджетѣ. Вечеръ миновалъ благополучно, слѣдующее утро—также, но послѣ обѣда явился парламентскій курьеръ и велѣлъ расписаться въ какой-то толстой книгѣ.

— Васъ, вѣроятно, хотятъ сдѣлать министромъ,—въ отчаяніи сказалъ добрый швейцаръ и всплеснулъ руками.— У меня тамъ есть знакомый, служить при парламентскомъ

буфетѣ. Если его попросить, онъ можетъ вамъ помочь. Онъ добрый.

Но я предчувствовалъ еще худшее. И, дѣйствительно, курьеръ вынулъ какой-то пакетъ и подалъ мнѣ.

— Орденъ! Навѣрное, серебряный орденъ,—зашепталъ швейцаръ,—за угломъ, вторая улица на-право.

— Что—вторая улица на-право?—спросилъ я удрученно.

— Частный ломбардъ. Десять марокъ. Въ правительственномъ болѣе шести не даютъ. Они хитрые, знаютъ.

Но это былъ не орденъ и не портфель министра. Это были мои воротники! Крайній правый приложилъ къ нимъ записку въ нѣсколько словъ: онъ очень радъ, что можетъ оказать услугу русскому князю и надѣется...

Я уныло бродилъ по улицамъ. Надежды на крайнюю правую не оправдались. Что теперь было дѣлать? Съ сожалѣніемъ и горькимъ чувствомъ позднего раскаянія вспоминалъ я Россію. Тамъ, слава Богу, нѣтъ конституціи. Но тамъ есть миллионъ дыръ, миллионъ выгребныхъ ямъ, миллионъ случаевъ освобожденья отъ воротниковъ—если не отъ галстука. Наступалъ вечеръ, меня охватывала лихорадка, мнѣ представлялись страшныя вещи. Я галлюцинировалъ. Какая-то дама открыла ротъ, и я съ тайнымъ наслажденіемъ какого-то сладострастника подумалъ, что туда можно сунуть воротники. Я мысленно снималъ каски съ головы каждаго шуцмана и засовывалъ туда мой свертокъ. Онъ жегъ мнѣ пальцы, онъ давилъ пудовой ношей. О, Россія! Тамъ нѣтъ водолазовъ и чистильщиковъ улицъ, и у тайной полициі другія занятія, а крайніе правые не позаботятся о томъ, чтобы сдѣлать одолженіе русскому князю—хотя я вовсе не былъ княземъ! О, Россія...

У меня навернулись слезы, мнѣ стало себя жалъ. Я одинокъ и потерялъ. Земля выбрасываетъ меня обратно, вода меня не принимаетъ. Все гладко и ровно, и некуда укрыться. Мнѣ казалось, что я приросъ къ воротникамъ, что я и они—одно и то же, и меня гонитъ, гонитъ культура. О, Россія!

Я почувствовалъ приступъ патриотизма такой сильный, что прислонился къ какому-то забору.

— Что съ вами? Вамъ дурно... Боже мой, это русскій князь!

Я обернулся. Передо мною стоялъ толстый красный нѣмецъ, тотъ самый, который соскочилъ съ омнибуса и передалъ мнѣ «забытый» свертокъ вмѣстѣ со своимъ адресомъ.

Я посмотрѣлъ на его толстый животъ, вынулъ ножикъ съ двѣнадцатью клинками, раскрылъ всѣ двѣнадцать и вонзилъ ихъ въ тѣло нѣмца. Онъ не издалъ ни звука. Это было чудесное хакари по первому разряду. Я быстро выпотрошилъ это огромное, холеное, мягкое брюхо и сунулъ туда мой свертокъ—мои воротники, мои два двойные стоячіе воротника № 39, изъ семи-рублевой дюжины. Потомъ я закололъ развѣзъ булавами, вытеръ руки и ушелъ; никто насъ не видѣлъ. Я началъ насвистывать. Я спалъ великолѣпно, сладко и блаженно грезя, какъ грезитъ ребенокъ. Я проснулся и пѣлъ, и пѣлъ за умываніемъ, и за кофеемъ. Я помолодѣлъ и справился, когда уходитъ поѣздъ въ Парижъ?

На вокзалѣ, въ купѣ для некурящихъ, меня арестовали. У судебного слѣдователя меня допрашивали пять часовъ подъ рядъ. Я во всемъ сознался,—они не могли меня понять.

— Вѣдь воротники денегъ стоятъ,—старались меня убѣдить прокуроръ со слѣдователемъ.

— Онъ испортилъ мою жизнь, онъ загубилъ меня. Онъ меня раззорилъ. Если бы онъ тогда не нагналъ меня и не отдалъ вор...

— Онъ поступилъ, какъ всякій на его мѣстѣ. А какъ же иначе?—изумлялись власти.—Да нѣтъ, вы просто смѣетесь надъ нами.

Меня присудили къ смертной казни и къ двадцати маркамъ штрафа за издѣвательство надъ судомъ.

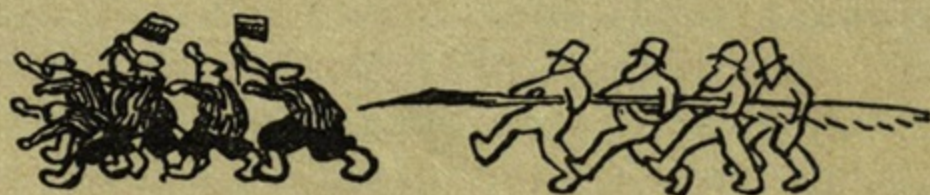
— Ваши воротники вы, разумѣется, получаете обратно,—сказалъ предсѣдатель суда.—Дайте ему.

Тутъ силы меня оставили. Я очнулся въ камерѣ. Ночь. Возлѣ на столѣ два воротника. Завтра я умру. Я умираю за Европу, за порядокъ, за конституцію, за культуру. Воротникъ изъ мести я завѣщаю прокурору—пусть онъ съ нимъ повозится.

Глупо быть присужденнымъ къ смертной казни не на родинѣ. Слезы мѣшаютъ мнѣ писать. Прощай, Россія!

Berlin.

Осипъ Дымовъ.





ФАРСЪ.

Шаржи А. Яковлева.

ТЕАТРЪ „ЛЪТНІЙ ФАРСЪ“.

БОРЬБА.

Такъ какъ чемпионатъ борьбы—обыкновенное театральное предпріятіе, то и артисты для него комплектуются на тѣхъ-же основаніяхъ, какъ и въ драмѣ.

«Настоящій международный чемпионатъ», какъ мѣтко однажды выразился передъ борьбой арбитръ, составленъ очень умѣло: всѣ амплуа замѣшены.

Роли распределяются такъ:

Лурихъ—первый любовникъ (неврастеникъ).

Послѣшилъ—второй.

Анверсъ—резонеръ.

Муханура—комикъ.

Карнацкій—злодѣй.

Соловьевъ—проstackъ.

Бредихинъ—эngine-драматикъ.

Циклопъ—комическая старуха.

Изандо и Сиргуль—на выходахъ («лошади поданы», «чай поданъ» и т. п.).



Бамбула — чемпионъ Америки (единственный изъ негровъ не поколоченный американцами).

Режиссеръ—Лурихъ, суфлеръ—Мишинъ.

У организаторовъ чемпионата есть только одна цѣль, одна мысль—какъ можно больше растянуть время, назначенное для борьбы: каждый день часа на два. Если бы организаторы объ этомъ не заботились, то всѣ пары переборолись бы въ одинъ вечеръ.

Мы знали одного очень симпатичнаго, но слабого, хилаго атлета, видъ котораго возбуждалъ всеобщую жалость и сочувствіе. Его впалая грудь, худые бока и изможденное лицо наводили многихъ на христіанскую мысль—опредѣлить его въ санаторію, но какъ-то такъ случилось, что опредѣлился онъ въ чемпионатъ борьбы.

На второй же вечеръ этотъ честный, простодушный человекъ подошелъ къ организатору борьбы и предложилъ ему слѣдующее:

— Я знаю, вы распорядились, чтобы мой противникъ положилъ меня только послѣ двѣнадцатой минуты... Зачѣмъ это? Зачѣмъ тратить напрасно время, которое послано намъ Всевышнимъ, которое такъ дорого, и которое мы должны употреблять съ болѣею пользою. Сдѣлаемъ такъ: выйдемъ на арену, я пожму противнику руку и лягу самъ на обѣ лопатки. Пусть судьи признаютъ меня побѣжденнымъ.



Бамбула строитъ мостъ.

И что же сдѣлалъ организаторъ борьбы? Послушался здраваго совѣта? Нѣтъ, онъ напалъ на хилаго атлета, раскричался, заявилъ, что онъ не хочетъ зря платить деньги разнымъ дармоѣдамъ и тутъ же отдалъ распоряженіе противнику хилаго борца—положить его только на девятнадцатой минутѣ.

Хилый атлетъ сталъ бороться, и нѣсколько разъ во время борьбы хотѣлъ потихоньку лечь на обѣ лопатки...

Но противникъ ему попался опытный: онъ зорко слѣдилъ за движеніями хилаго, и едва тотъ касался ло-

патками ковра, противникъ закладывалъ какой нибудь нельсонъ и спасалъ несчастнаго, переворачивая его на животъ.

Положенъ былъ хилый на девятнадцатой минутѣ страннымъ приемомъ: онъ просто зацѣпился нечаянно одной ногой за другую и упалъ на спину.

Побѣдителю публика устроила овацію. И было за что: за кулисами онъ признавался, что никогда не приходилось ему вести болѣе трудной борьбы—каждую секунду нужно было зорко слѣдить, чтобы противникъ не легъ на коверъ изъ простаго ехидства и лѣни.

Вотъ какимъ образомъ организаторы чемпионата растягиваютъ борьбу вмѣсто одного вечера на цѣлый сезонъ.

Растягиваніе времени замѣчается даже въ мелочахъ: парадъ борцовъ, представленіе ихъ публикѣ и демонстраціонаніе запрещенныхъ приемовъ.

Стоитъ только выйти атлетамъ, какъ арбитръ начинаетъ топтаться на мѣстѣ, мямлить и тянуть слова.

— Настоящій международный чемпионатъ... устраивается... для борцовъ... странъ... золотой поясъ...

Говоритъ долго-долго.

Затѣмъ знакомитъ борцовъ съ публикой, ухитряясь даже дать нѣкоторымъ подробныя характеристики...

— Эгебергъ! Побѣдитель знаменитаго Арвидъ Андерсона, одинъ изъ лучшихъ техниковъ...

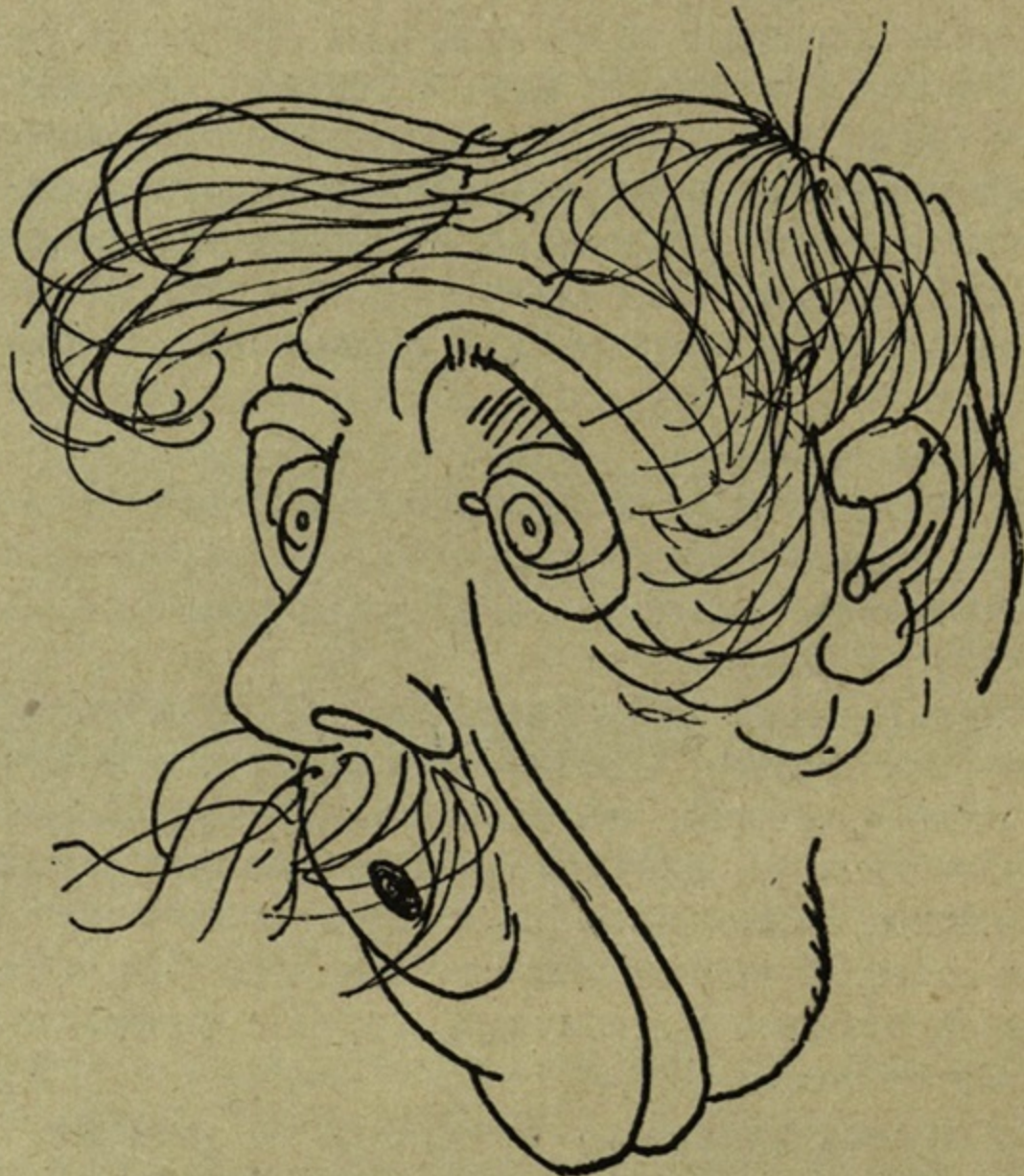
— Лурихъ! Чемпионъ міра. Пользуется отличными успѣхами у женщинъ. Имѣетъ тридцать паръ трико, не считая букетовъ! Лурихъ... Не кривляйся.



Абергъ—дальній родственникъ К. Варламова.

— Циклопъ! Питается сырными мясомъ и имѣетъ тяжелый характеръ. Недавно въ Галиціи умерла его тетка, почему онъ и проситъ у публики снисхожденія. Циклопъ! Алле! Кланяйся публикѣ.

— Муханура! Питается гаолянномъ. Сынъ манжурскихъ полей, орошенныхъ въ свое время кровью двухъ великихъ державъ. Дитя природы. Также проситъ у по-



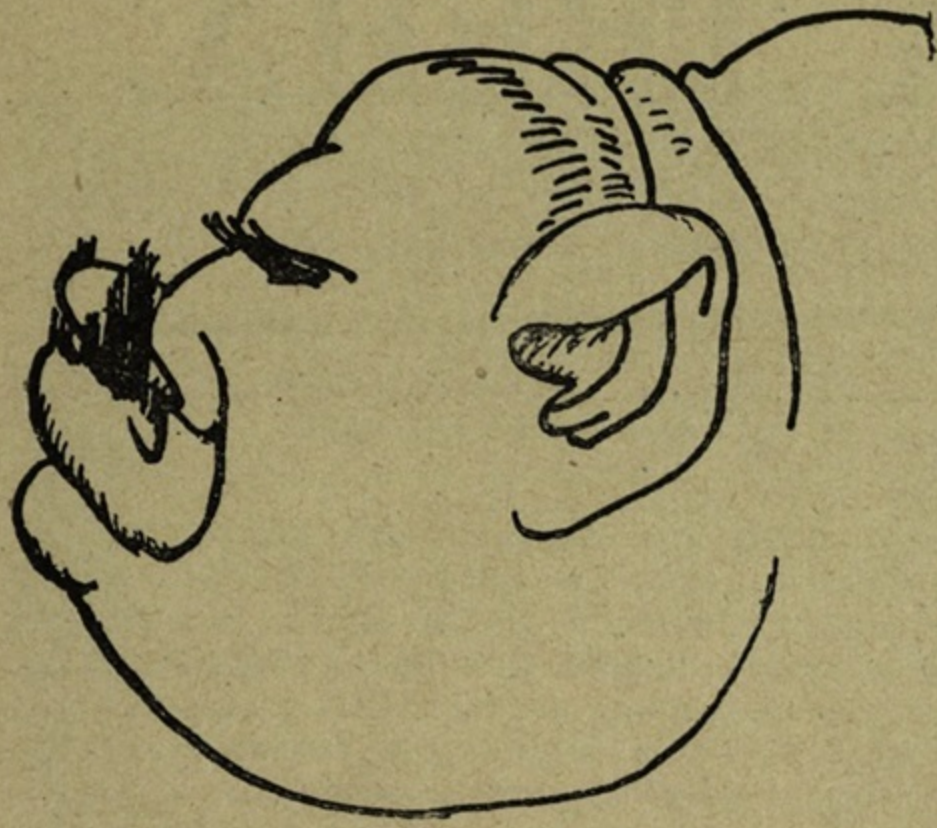
Анверсъ—резонеръ.

чтеннѣйшей публики снисхожденія, по причинѣ сильнаго опьяненія на почвѣ рожденія сына.

Такъ, въ праздно болтовнѣ, проходитъ минутъ десять. Начинается демонстраціонаніе запрещенныхъ приемовъ:

— Запрещаются слѣдующіе приемы: бра американскіе;

удары о полъ головы противника, сдѣлавшаго мость; сдавливанье горла; выкалыванье глазъ; вырванье ноздрей; вырѣзыванье ремней изъ спины противника; оскорбленіе памяти предковъ противника; полученіе изъ банковъ денегъ по фальшивымъ векселямъ; храненіе нелегальной литературы и—продажа напитковъ на выносъ въ незапеча-



Циклопъ.—(Просятъ снисхожденія).

онъ встрѣтился съ противникомъ впервые.

— Какъ?! И ты здѣсь въ чемпионатѣ? Вотъ не ожидалъ! Сколько лѣтъ, сколько зимъ! Ну, какъ поживаешь? Давно видѣлъ Поддубнаго?

И, усѣвшись на ковръ, оба поведутъ оживленную бесѣду о прошломъ, прерываемые негодующими криками нетерпѣливой публики.

Конечно, скудность фантазіи борцовъ мѣшаетъ имъ продѣлать вышеозначенный приемъ, и они ограничиваются тѣмъ, что возьмется бесплодно на ковръ, заботливо предохраняя другъ-друга отъ паденія на обѣ лопатки раньше срока.

Время-отъ-времени борецъ «возмущается некорректностью противника». Этотъ приемъ заключается въ слѣдующемъ: одинъ борецъ хватается другого за носъ или дергаетъ за ухо... Потерпѣвшій дѣлаетъ оскорбленное лицо и нервно подходит къ судейскому столу, вступая съ судьей въ тихій энергичный разговоръ, прерываемый размахистыми жестами.

танной посудѣ повольнойцѣнѣ.

Арбитръ долго еще перечисляетъ запрещенные приемы, а время идетъ...

Конечно, при желаніи время можно растянуть еще больше: когда борцы сходятся и пожимаютъ традиционно другъ другу руки, одинъ можетъ сдѣлать пріятно удивленное лицо и прикинуться, что

Борецъ.—Когда же вы отдадите мнѣ три рубля, которые занимали на одинъ день (указываетъ рукой на противника и касается своего уха).

Судья.—Ей-Богу, сегодня нѣтъ. Завтра отдамъ. (Качаетъ укоризненно головой по направленію другого борца).

Борецъ.—Вы каждый день говорите завтра, а я что-то своихъ денегъ не вижу (грозитъ кулакомъ противнику и показываетъ рукой за кулисы, подчеркивая этимъ, что уйдетъ и бороться съ такимъ человѣкомъ не будетъ).

Судья.—Завтра у меня маленькая получка, и я отдамъ. (энергичный жестъ рукой по направленію къ ковру).

Публика (волнуясь).—Въ чемъ дѣло?

Арбитръ (приближаясь къ рампѣ).—Борецъ Соловьевъ заявляетъ судѣ, что онъ отказывается отъ борьбы съ грубымъ Корнацкимъ. Судья обѣщала сдѣлать Корнацкому выговоръ за некорректность.

На эти переговоры уходитъ минутъ пять. Время ползаетъ къ «полицейскому часу».

Противники снова сходятся, но арбитръ не дремлетъ: — Одна минута перерыва!

Охъ... Почему не:

— Одинъ годъ перерыва?!

Почему не:

— Десять лѣтъ перерыва?!

Какъ бы хорошо всѣ отдохнули.

Ave.



Арбитръ Мишинъ.

(Публика:—Мишинъ, не зѣвай!!)

ИЗЪ ГЕРМАНИИ.

III.

въ ожиданіи ночного поѣзда.

Свѣтлый нѣмецъ
Пьетъ свѣтлое пиво.
Пей, чтобъ тебя разорвало!
А я, иноземецъ,
Сижу тоскливо,
Блѣднѣ мизинца,
И смотрю на лампочки вяло.
Просмотрѣлъ журналы:
Портретъ кронпринца,
Тупыя остроты,
Выставка мопсовъ въ Берлинѣ...
Въ припадкѣ зѣвоты
Дрожу въ пелеринѣ
И страстно смотрю на часы.
Сорокъ минутъ до отхода!
Кусаю усы
И кошусь на сосѣда уroda—
Проклятый! Пьетъ пятую кружку...
Шея, какъ пушка,
Животъ, какъ комодъ
О, о, о!
Потерпи, ничего, ничего,
Кельнеръ, пива!
Гдѣ мой карандашъ?
Лѣнливо
Пишу эти кислые строки,
Глажу сонныя щеки
И жалѣю, что я не багажъ...
Тридцать минутъ до отхода!
Тридцать минутъ...

Веймаръ. Вокзалъ.

Сама Черный.

КАКЪ НУЖНО ИГРАТЬ НА БИРЖѢ.

Однажды я надѣлъ шапку, положилъ въ карманъ тысячу рублей и пошелъ играть на биржѣ.

— Рѣшено,—сказалъ я самъ себѣ.—Другіе играютъ и выигрываютъ и я хочу играть и выигрывать.

На улицѣ встрѣтился со знакомымъ. Онъ догадался:

— На биржу идете? Играть?

— Да.

— Покупайте Брянскія. Идутъ въ гору.

— Спасибо.

Пошелъ я дальше, веселый. Пѣсенку пою.

Встрѣтился другой знакомый.

— Играть идете? Только предупреждаю: не покупайте Брянскихъ. Падаютъ. Самыя лучшія бумаги—это Путиловскія.

Третій знакомый даже не спросилъ, куда и зачѣмъ иду.

— По лицу вижу,—сказалъ онъ,—что хотите купить Путиловскихъ! Какой это идиотъ посовѣтовалъ вамъ? Не сегодня-завтра полетятъ внизъ. Самыя лучшія, это солепромышленныя.

Проходившій мимо неизвѣстный человѣкъ приостановился, всплеснулъ руками и сказалъ моему знакомому:

— Солепромышленныя?! Вы идиотъ. Ленскія! Только Ленскія!

— Ленскія?—возразилъ, зрѣло обдумавъ отвѣтъ, мой знакомый.—Вы форменный кретинъ.

Они взяли другъ друга за воротники и съ откровенностью случайныхъ знакомыхъ повели разговоръ о себѣ, о своихъ родныхъ и родственникахъ. А я потихоньку побрелъ на биржу.

Я зналъ, что мнѣ дѣлать.

Цѣлая толпа людей въ зданіи биржи прыгала, кричала и бѣгала другъ за другомъ.

Я остановилъ перваго попавшагося и сказалъ ему:

— Я пришелъ поиграть тутъ у васъ на биржѣ. Вотъ у меня есть тысяча рублей. На-те ихъ вамъ.

— Для чего?

— Да такъ. Возьмите себѣ. Только съ условіемъ: у меня дома еще есть тысяча. Такъ ту тысячу вы ужъ не берите. Хорошо?

И на биржѣ—въ этомъ царствѣ бѣшеннаго корыстолюбія и черствости—есть добрые люди: онъ взялъ тысячу рублей и обѣщала больше съ меня не требовать.

Я поцѣловалъ его и пошелъ домой, помирая въ душѣ со смѣху, что такъ ловко обошелъ хитрыхъ биржевиковъ...

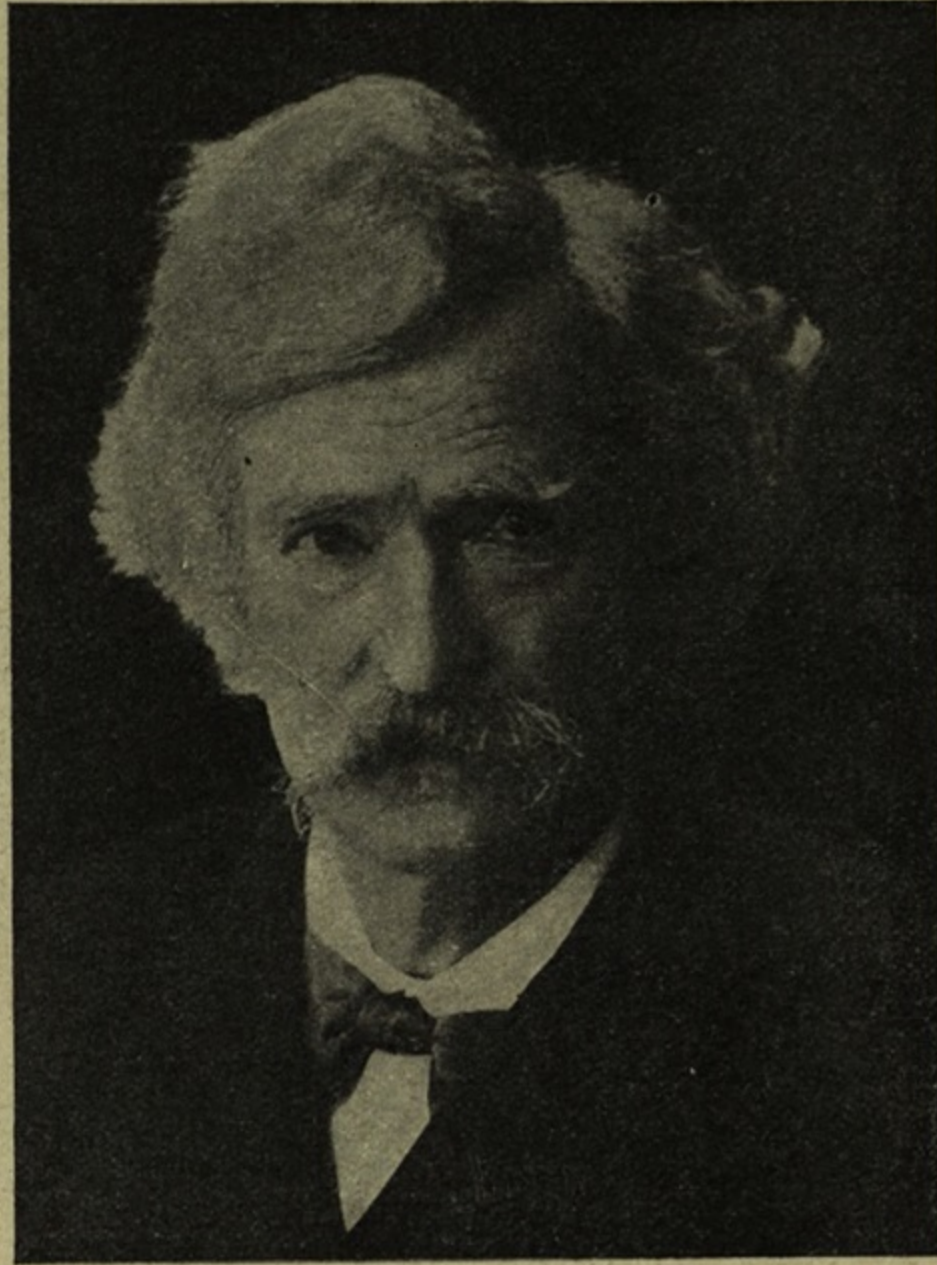
Аркадій Аверченко.

ТЯЖЕЛЫЙ ГОРОДЪ.

Телеграммы:

Въ Ялту—отъ Янкелевича: —Исаакъ! Ну? Можно прѣзжать?

Изъ Ялты — Янкелевичу: — Не совѣтую. Хоть Думбадзе уѣхалъ, но началась холера.



МАРКЪ ТВЕНЪ.

Объявляется подписка
на собраніе сочиненій знаменитаго американскаго юмориста

МАРКА ТВЕНА.

ВЪ НОВЫХЪ ПЕРЕВОДАХЪ СЪ ПОДЛИННИКА.

Все изданіе будетъ состоять изъ двѣнадцати большихъ томовъ, съ портретомъ и биографіей Марка Твена.

Желая достигъ большей художественности и изящества этого изданія— „Сатириконъ“ выпускаетъ всѣ двѣнадцать томовъ **исключительно** въ переплетахъ художественной работы,—безъ особой за нихъ доплаты.

Отъ редакціи. — Хотя имя знаменитаго американскаго юмориста пользуется среди русскихъ читателей исключительной популярностью, тѣмъ не менѣе, до сихъ поръ въ Россіи не появлялось сочиненій Марка Твена въ хорошихъ литературныхъ переводахъ. Русскій человекъ знакомился съ Твенемъ или по случайнымъ, носившимъ характеръ разрозненности переводнымъ книжкамъ или даже по отдѣльнымъ рассказамъ, бессистемно и эпизодически появлявшимся въ журналахъ и газетахъ. При этомъ, въ большинствѣ случаевъ, переводы заставляли желать лучшаго. — наскоро сдѣланные, неряшливые и не передававшие духъ чудснаго языка великаго юмориста—одной изъ главныхъ сторонъ Твенскаго творчества.

Редакція „Сатирикона“, приступая къ изданію новаго собранія сочиненій Марка Твена, приложить всѣ усилія, чтобы дать читателю, по возможности, образные переводы безъ пропусковъ и искаженій, тщательно и добросовѣстно проредактированные.

Настоящее изданіе является первымъ въ ряду другихъ изданій—произведеній популярныхъ юмористовъ,—предположенныхъ къ выпуску редакціей „Сатирикона“, что по мысли издателя должно, въ концѣ концовъ, составить оригинальную и исчерпывающую все достойное вниманія „Веселую бібліотеку „Сатирикона“».

Цѣна изданія по подпискѣ: за двѣнадцать томовъ въ переплетахъ 12 рублей.

Допускается разсрочка: при подпискѣ **4 руб.**, по полученіи четвертой книги **4 руб.** и по полученіи восьмой—**4 руб.**

По прекращеніи подписки—цѣна изданія будетъ **значительно увеличена.**

Пріемъ подписки открытъ въ главной конторѣ журнала „Сатириконъ“ (СПБ. Фонтанка, 80).

Издатель **М. Г. КОРНФЕЛЬДЪ.**

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1910 ГОДЪ
НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ САТИРЫ и ЮМОРА

САТИРИКОНЪ 52

(ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАВІЯ)

№№ роскошно
иллюстриро-
ванныхъ, въ
краскахъ.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ:

На годъ **6 руб.**, на полгода **3 руб.**, на 3 мѣс. **1 руб. 50 коп.**

Адресъ Главной Конторы и Редакціи: С.-Петербургъ, Фонтанка, 80. Телефонъ № 524-62.

Редакторъ А. Т. Аверченко.

Издатель М. Г. Корнфельдъ.



ВЪ НЕПРОДОЛЖИТЕЛЬНОМЪ ВРЕМЕНИ ИЗДАТЕЛЬСТВО „САТИРИКОНЪ“ ВЫПУСКАЕТЪ ВЪ СВѢТЪ НОВУЮ КНИГУ ЮМОРИСТИЧЕСКИХЪ РАЗСКАЗОВЪ

АРКАДІЯ АВЕРЧЕНКО „ВЕСЕЛЫЯ УСТРИЦЫ“

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА, РАБОТЫ ХУДОЖН. РЕ-МИ и АВТОБИОГРАФІЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ КНИГИ:

Автобіографія. I. ВЪ СВОБОДНОЙ РОССІИ: Исторія болѣзни Иванова. Кто ее продалъ?. Русская исторія. Люди. Почести. Робинзоны. Визитъ. Бѣдствіе. Мученикъ науки. Смерминъ. Октябристъ Чикалкинъ. Невозможное. Звѣринецъ. Путаница. II. ОКОЛО ИСКУССТВА: Труха. Аполлонъ. Американцы. Подмошки. Проклятіе. Пернатое. Еще воспоминанія о Чеховѣ. Крайнія теченія. Неизлѣчимые. Золотой вѣкъ. Безъ почвы. III. МОИ УЛЫБКИ. Четвергъ. Мозаика. Рубановичи. Четверо. Лѣкарство. Ложь. Визитеръ.

Цѣна книги въ изящномъ переплетѣ **1 руб. 10 коп.**

Желая достигъ большей художественности и изящества своихъ изданій, „Сатириконъ“ рѣшилъ выпускать таковыя **исключительно въ переплетахъ.**

Выписывающіе книгу изъ главнаго склада журнала „Сатириконъ“ (С.-Петербургъ Фонтанка, 80.) за пересылку не платятъ.

Отъ издательства „Сатириконъ“:

(Примѣчаніе:—для подписчиковъ и читателей журнала „Сатириконъ“),—Въ книгу „Веселыя устрицы“ не вошелъ ни одинъ изъ рассказовъ Арк. Аверченко, напечатанныхъ въ „Сатириконѣ“.

ВЪ МОДНОЙ ГОСТИНИЦѢ.

Рис. А. Яковлева.



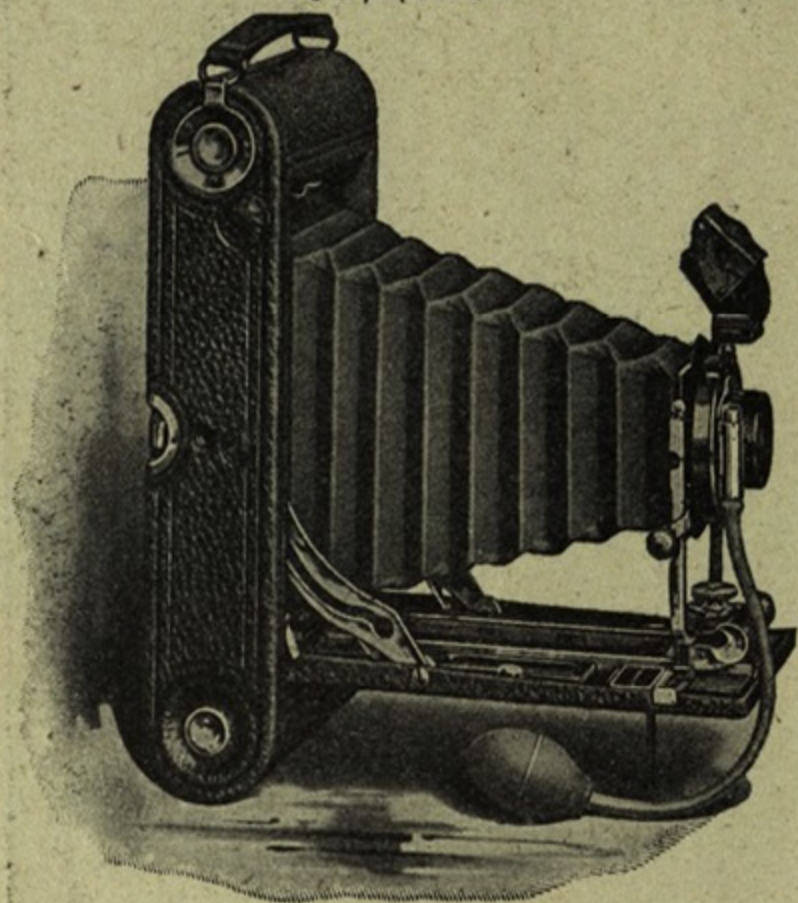
(Продолженіе въ слѣдующемъ номерѣ).

**Вниманію отправляющихся въ отпускъ.
Достойные рекомендаціи изъ преісь-куранта КОДАКЪ.**

КОДАКЪ



№ 3 а СКЛАДНОЙ КАРМАННЫЙ КОДАКЪ

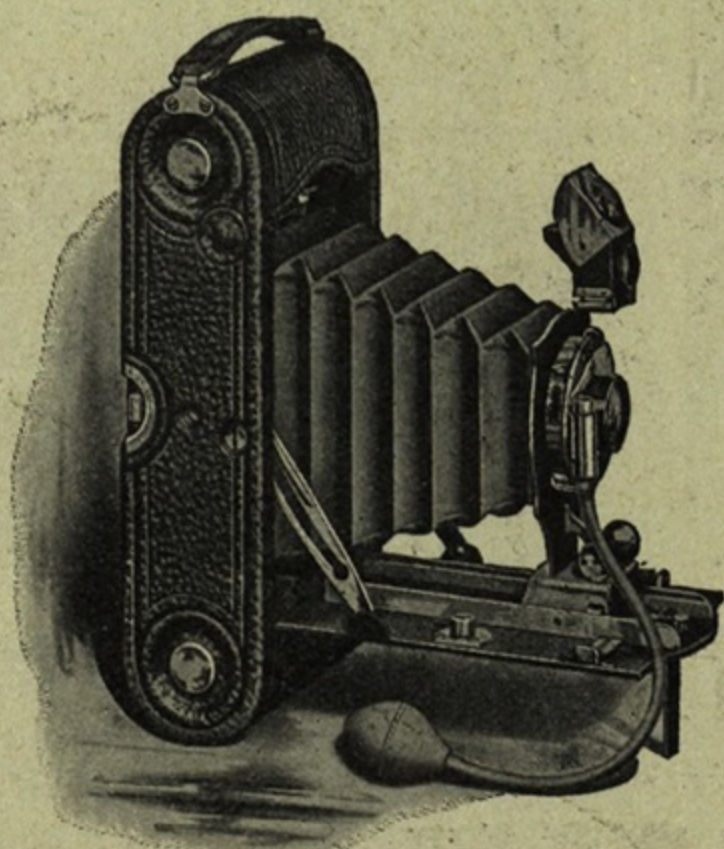


для снимковъ $8\frac{1}{2} \times 14$ сант.
Цѣна Р. 50.—

Наиболѣе популярный изъ всѣхъ аппаратовъ для производства снимковъ размѣра открытки $8\frac{1}{2} \times 14$ сант.

Аппаратъ снабженъ превосходнымъ быстроедѣйствующимъ апланатомъ, дѣйствующимъ на шарикахъ затворомъ Кодакъ, автоматической фокусной шкалой, блестящимъ перевертывающимся видоискателемъ и гайками для винта треножника и пригоденъ для выполнения наиболѣе серьезныхъ работъ. Покрытъ превосходной черной мелкозернистой кожей; металлическія части тщательно никелированы.

№ 1 а СПЕЦІАЛЬНЫЙ СКЛАДНОЙ КАРМАННЫЙ КОДАКЪ



для снимковъ $6\frac{1}{2} \times 11$ сант.
Цѣна Р. 32.—

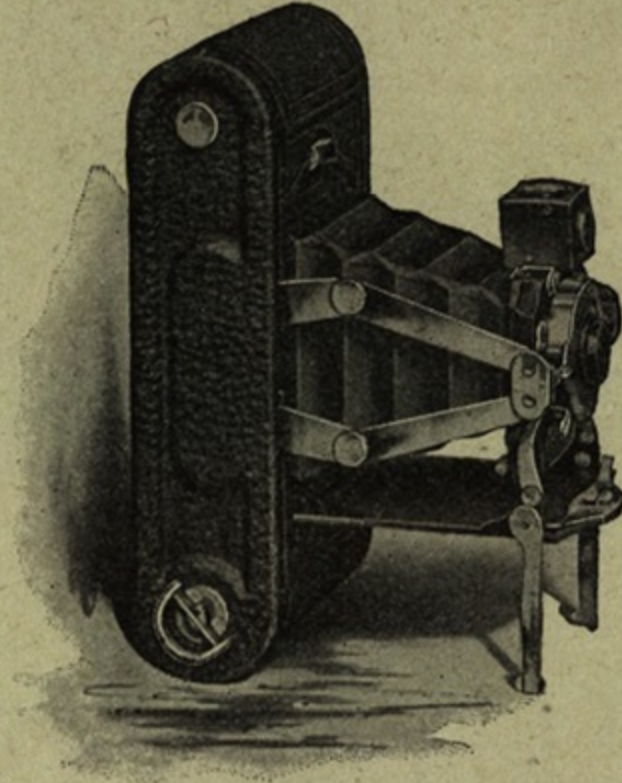
Изготовленъ специально для тѣхъ, которые желаютъ имѣть маленькую, изящную, фотографическую камеру, отличающуюся превосходнымъ качествомъ.

Снабженъ быстроедѣйствующимъ апланатомъ, дѣйствующимъ на шарикахъ затворомъ Кодакъ, автоматической фокусной шкалой, гайками для винта треножника и блестящимъ перевертывающимся видоискателемъ. Обтянута превосходной черной, мелкозернистой кожей, съ никелированными металлическими частями.

KODAK



№ 1 СКЛАДНОЙ КАРМАННЫЙ КОДАКЪ

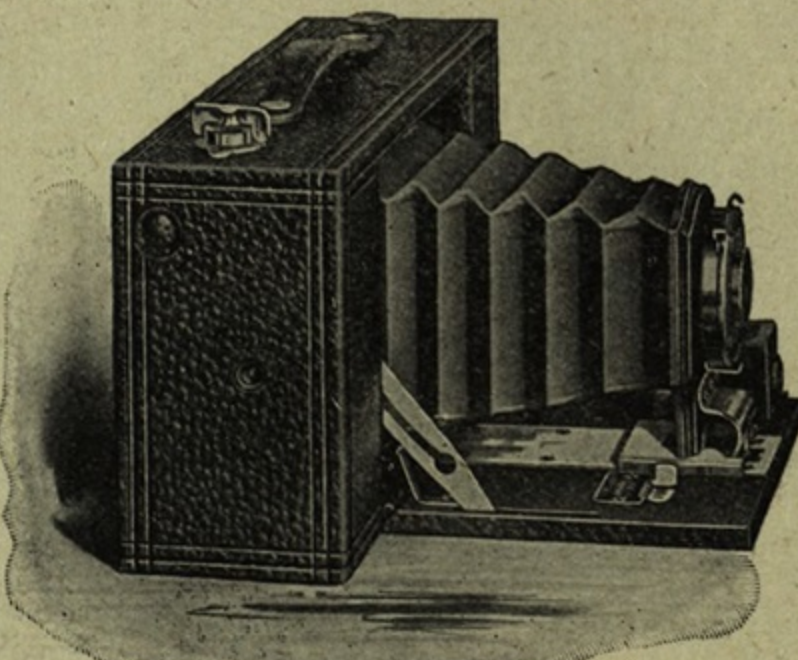


для снимковъ $6\frac{1}{2} \times 9$ сант.
Цѣна Р. 21.—

Самый маленькій и простой изъ всѣхъ карманныхъ Кодакъ. Предназначенъ главнымъ образомъ для тѣхъ, которые желаютъ получить фотографическіе снимки наиболѣе простымъ способомъ. Откидываніемъ передней доски передокъ камеры автоматически становится въ позицію. Наводки фокуса не требуется.—Вы просто опредѣляете снимаемый сюжетъ по видоискателю и нажимаете рычагъ.

Снабженъ превосходнаго качества ахроматическимъ объективомъ, пригоднымъ какъ для мгновенныхъ, такъ и выдержанныхъ съемокъ, и блестящимъ видоискателемъ. Обтянута черной, мелкозернистой кожей, съ никелированными металлическими частями.

№ 2 а СКЛАДНОЙ КАРМАННЫЙ БРАУНИ КОДАКЪ



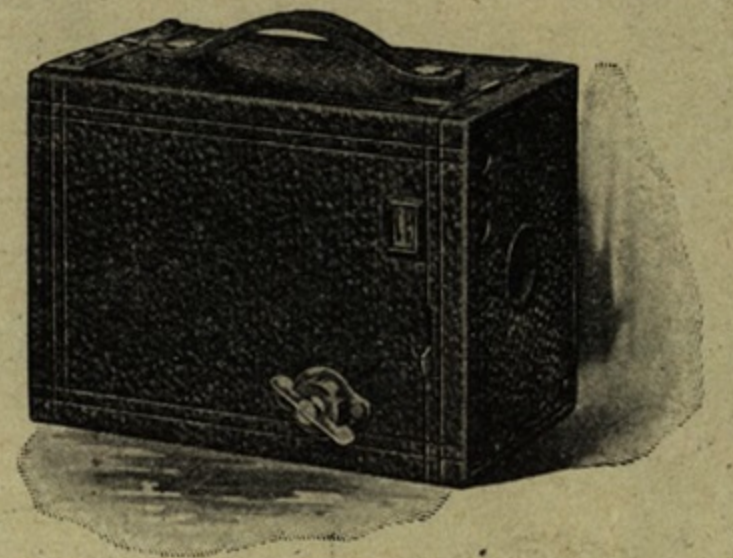
для снимковъ $6\frac{1}{2} \times 11$ сант.
Цѣна Р. 17.—

Отличаясь дешевизной и удивительной простотой въ обращеніи, камера эта въ то же время даетъ превосходные снимки. Снабжена лучшаго качества ахроматическимъ объективомъ, автоматическимъ затворомъ для мгновенныхъ и выдержанныхъ съемокъ, автоматической фокусной шкалой, гайками для винта треножника и перевертывающимся видоискателемъ. Покрыта превосходной имитацией мелкозернистой кожи, металлическія части тщательно никелированы.

КОДАКЪ



№ 3 БРАУНИ КОДАКЪ

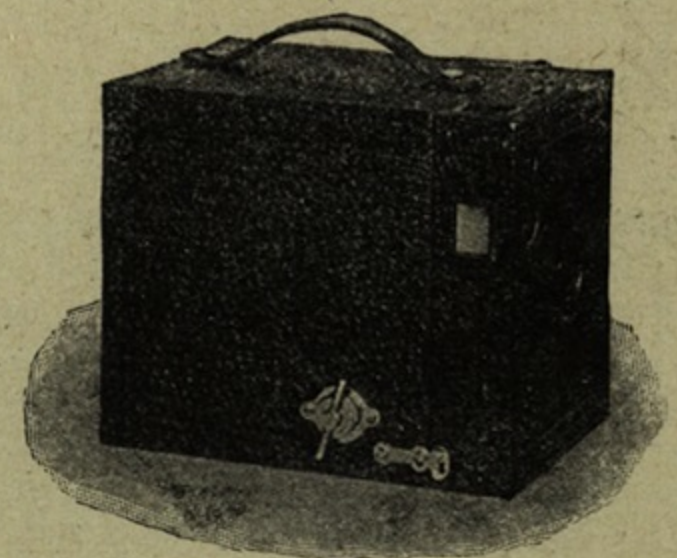


для снимковъ $8\frac{1}{2} \times 10$ сант.

Цѣна Р. 12.—

Давая снимки $8\frac{1}{2} \times 10$ сант. № 3 Брауни Кодакъ, простая и недорогая фотографія „Брауни“ обогащается однимъ изъ наиболѣе популярныхъ среди любителей размѣровъ снимковъ. Простъ даже въ рукахъ ребенка, онъ въ то же время вполне удовлетворяетъ взрослыхъ. Снабженъ превосходнаго качества ахроматическимъ объективомъ, вращающимся затворомъ Истмена для мгновенныхъ и выдержанныхъ снимковъ и двумя видоискателями. Обтянута лучшей имитацией мелкозернистой кожи, съ никелированными металлическими частями.

№ 2 БРАУНИ КОДАКЪ



для снимковъ $6\frac{1}{2} \times 9$ сант.

Цѣна Р. 5.—

Этой простой, постоянно-фокусной камерой даже дѣтми школьнаго возраста получались замѣчательные снимки, тогда какъ болѣе опытными лицами ею достигались работы наивысшаго качества.

Снабжена превосходнымъ ахроматическимъ объективомъ, вращающимся затворомъ Истмена для мгновенныхъ и выдержанныхъ снимковъ, и двумя видоискателями. Обтянута лучшей имитацией черной кожи, съ никелированными металлическими частями.

Акціонерная Компанія КОДАКЪ. — С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Б. Конюшенная № 19. — МОСКВА, Петровка № 15 и 16.

Прекрасно иллюстрированные преісь-курранты высылаются бесплатно по первому требованію.



ДЪТСКАЯ МОЛОЧНАЯ МУКА ДАЛЬПИНА

Синяя марка и подпись главн. предств. С.П.Б. Гороховая 33

Продается в аптеках и аптек. магаз.
Аптекарь Вичев

Здоровая юность! Здоровая старость!

Предостережение! Требуите настоятельно имя Др. ГОММЕЛЯ.

Благодаря
ГЕМАТОГЕНУ
 Д-ра ГОММЕЛЯ.

ЭКСТРАВАГАНТНЫЙ АНОНСЪ.

Цинизмъ принциповъ современной конкуренции, аннулируя качество и порузивъ въ безборьбенный квинтизмъ табачную промышленность, тѣмъ самымъ сразу выдвинулъ неподчинившуюся ему фабрику А. Н. Шапошникова на недосыгаемо-интегральную высоту, причеиъ папирсы этой фабрики „ЕВА“ 10 шт. 6 коп. эстетически, этически и психически завладѣли публикой, парализуя саомытное развитіе одноцѣнныхъ фабрикатовъ. Папирсы „ЕВА“ продаются миллионами по всей Россіи!!

ДЯДЯ МИХЕЙ.



СНОВА ПОПАЛСЯ

Я люблю курить хорошія гильзы и поэтому вхожу вчера въ табачный магазинъ и вѣжливо прошу. Дайте коробку Гильзъ Каткина.
 Пришелъ домой, развернулъ пакетъ и вижу, что подсунили коробку каикихъ то другихъ гильзъ. Господа курящіе, прошу Васъ смотрите, чтобы на коробкѣ была всегда написана ГИЛЬЗЫ КАТКИНА.



Т-во „РЕНЕССАНСЪ“

въ виду непрерывно развивающагося дѣла ПЕРЕВЕЛО контору, складъ и продажу КРЕМА, МЫЛА и ПУДРЫ въ болѣе обширное помѣщеніе на Невскій пр., № 116, уголъ Знаменской.

Препараты Т-ва „Ренессансъ“ продаются во всѣхъ магазинахъ всей Россіи. Салонъ для продажи открытъ отъ 10 до 6 час. вечера. Телеф. 35—95. Адресъ для телеграммъ: Петербургъ „Ренессансъ“.

ЗАПОМНИТЕ
 новыя адреса!

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1910 ГОДЪ на ежедневную политическую газету

5-й годъ изданія **Р. Б. Ч. Б.** 5-й годъ изданія

издаваемую въ С.-Петербургѣ В. Д. Набоковымъ и И. И. Петрункевичемъ при ближайшемъ участіи П. Н. Милюкова и Г. В. Гессена и при преемствѣ составъ сотрудниковъ.

Особое вниманіе обращено на отдѣлъ извѣстій изъ провинціи. (имѣется болѣе ста корреспондентовъ).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: въ Россіи: на годъ—12 р.—к. на 9 м.—9 р.—к. на 6 м.—6 р.—к. на 5 м.—5 р. 10 к. 4 м.—4 р. 15 к. 3 м.—3 р. 15 к. 2 м.—2 р. 15 к. 1 мѣс. 1 р. 10 к. За границу: на годъ—20 р.—к. 9 м.—15 р. 75 к. 6 м.—11 „—, 5 м.—9 р. 50 к. 4 м.—7 р. 75 к. 3 м.—6 р. „—, 2 м.—4 р. „—, 1 м.—2 р.

Льготная подписка (при непосредств. обращеніи въ главную контору): 1) Для сельскихъ священниковъ, учителей, крестьянъ, р. бочихъ, фельдшеровъ, приказчиковъ, учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ подписная цѣна: на 12 м.—9 р., 9 м.—6 р. 75 к., 6 м.—4 р. 50 к., 3 м.—2 р. 40 к., 1 м.—85 к. 2) Служащимъ въ правит., обществен. и торгово-промыш. учрежденіяхъ при коллективной подпискѣ черезъ казначеевъ и дѣло производ. — 10% скидки. 3) Книгопродавцамъ, кіоскамъ, агентамъ и др. посредникамъ по приему подписки—5% скидки.

Адресъ редакціи и главной конторы: С.П.Б. Ул. Жуковскаго 21. №№ газеты „Р.Б.Ч.Б.“ для ознакомленія высылаются бесплатно.

СОВЕРШЕННО БЕСПЛАТНО!

ВЫСЫЛАЮ

каждому желающему пакетъ вѣрнаго средства

ПРОТИВЪ

РЕВМАТИЗМА и ПОДАГРЫ.



Искривленіе рукъ при хроническомъ суставномъ ревматизмѣ.

Если Вы страдаете ревматизмомъ или подагрой, то напишите мнѣ и я вышлю Вамъ бесплатно на пробу, простое, но вѣрное средство, которое я самъ открылъ, безнадежно страдавши этой болѣзью. Съ тѣхъ поръ я излѣчилъ уже сотни и тысячи страдавшихъ, больныхъ ходившихъ на костыляхъ и такихъ, которыхъ лучшіе врачи признавали неизлѣчимыми, больныхъ въ возрастѣ свыше 70-ти лѣтъ.— Это средство было доставлено многимъ изъ высокопоставленныхъ лицъ въ Россіи и за границу. Нѣкая Татьяна Карповна Никитина изъ Москвы была окончательно излѣчена послѣ 8-ми лѣтняго страданія, въ Петербургѣ нѣкій А. Сизовъ былъ совершенно излѣченъ моимъ средствомъ въ очень короткое время отъ ревматизма, которымъ страдалъ втеченіи 10-ти лѣтъ, П. Аришевъ, изъ Моссальска, былъ излѣченъ послѣ 30-ти лѣтняго страданія этимъ недугомъ, Е. Васильева изъ Риги была излѣчена послѣ 12-ти лѣтняго страданія, М. Ф. Ястребовъ изъ Самары былъ излѣченъ отъ ревматизма, которымъ страдалъ 18 лѣтъ. Лишь съ подробнымъ адресомъ вполне излѣченныхъ лицъ высылаю по первому требованію. Я также высылаю БЕСПЛАТНО богато иллюстрированную брошюру о ревматизмѣ, его происхожденіи и лѣченіи.— Не посылайте денегъ—напишите только свое имя и фамилию и точный адресъ Вашего мѣстожителства и пошлите по адресу:

М. В. ТРЕЙЗЕРЪ, № 31 Бангоръ Гаузъ,

M. E. TRAYSER, № 31 Bangor House,

Шу-Лейнъ, ЛОНДОНЪ, АНГЛІЯ.

Shoe Lane, LONDON, ENGLAND.

Открытое письмо въ Англію оплачивается маркою въ четыре коп. а за закрытое письмо маркою въ десять коп.

СУДОРИН от ПОТА



ног, рукъ и т. д., прѣнія, запаха пота, в жестяках С СИТКОМ, 45 к. Дѣйствуетъ въ 1 день. Отличное средство аптекаря Ковальскаго, Варшава, Граничная 10, высылаемое в Париж, Лондон, Нью-Йорк. Требов. вездѣ. Пересылка отъ 2—9 жестян. 50 к.

ПРОТИВЪ ГОНОРРЕИ (ТРИППЕРА)

новѣйшее средство — „САЛО-ПИЧИЛИНЪ“

дѣйствуетъ быстро и радикально и, по отзывамъ врачей, считается рациональнымъ средствомъ. Наставленіе при коробкѣ. Настояще только въ метал. коробкахъ по 1 руб. и по 1 р. 80 к.

Однаково хорошо дѣйствуетъ въ острыхъ и хроническихъ случаяхъ и въ короткое время устраняетъ самыя упорныя истеченія.

ДЛЯ ПОЛЪЗЫ БОЛЬНЫХЪ.

Въ виду поддѣлокъ исключительная продажа въ С.-Петербургѣ, Разъѣзжая ул. № 7, аптека Б. Конгейма.

Высылается налож. платеж. Пересылка по почтовому тарифу.

КОРСЕТЫ



ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ

Новѣйшихъ изящныхъ фасоновъ

Послѣднія Модели Парижа.

Корсеты „Пластикъ“ Вязаные

Дающіе чудную пластическую фигуру.

ПРИЕМЪ ЗАКАЗОВЪ,

ГРУДОДВЕРЖАТЕЛИ,

СЕНТЮРЫ,

НАБРЮШНИКИ.

Громадный выборъ готоваго товара

Телефонъ 238-40

С.П.Б. ФАБРИКИ МАРКУСА ЗАКА ПРОТИВЪ ЛИТЕЙНЫЙ 45 БАССЕЙНОЙ ПОДРОБНЫЯ БРОШЮРЫ ПО ТРЕБОВАНІЮ



Дамы

употребившія хоть одинъ разъ

ПАТЬ НИППОНЪ

увѣряютъ, что лучшаго средства для достиженія красоты и молодости

НЕ СУЩЕСТВУЕТЪ.

ПУДРА, МЫЛО и КРИСТАЛЛЫ НИППОНЪ

за короткое время тоже завоевали общую СИМПАТІЮ ДАМЪ.

Продается во всѣхъ аптек. и парфюм. магаз. и у Т-ва „НИППОНЪ“, Невскій пр., д. № 110.—8.

Брошюра знаменитой японки Ионачивара Масакадо „Отчего я такъ красива и молода“, высылается БЕСПЛАТНО.

7129/403
3-15

СЛАВЯНОФИЛЬСТВО И СЛАВЯНСКОЕ ЕДИНЕНИЕ.
(ПО ГРАФУ БОБРИНСКОМУ).

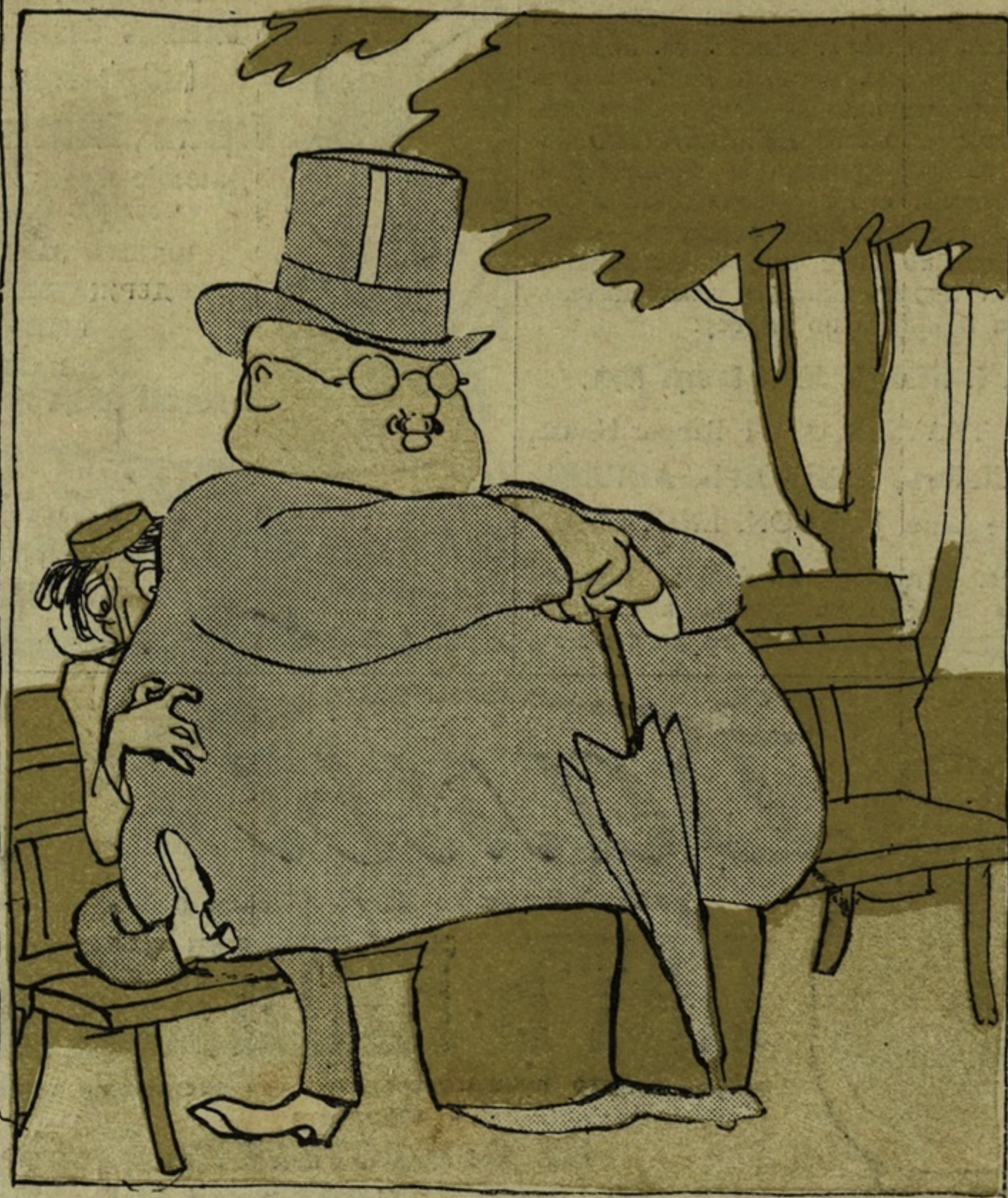
Рис. А. Юнефа.



Гр. Бобринский:—О, братъ мой по крови! Пойдемъ рука-объ-руку по одной дорогѣ къ свѣтлому будущему!..



Они идутъ рука-объ-руку по одной дорогѣ къ свѣтлому будущему...



Но, идя по одной дорогѣ, они устали...
— Отдохнемъ, братъ мой по крови,—предложилъ Бобринский.— Сядемъ рядышкомъ. — Сѣли...



И снова идетъ графъ Бобринский по дорогѣ къ свѣтлому будущему!!!